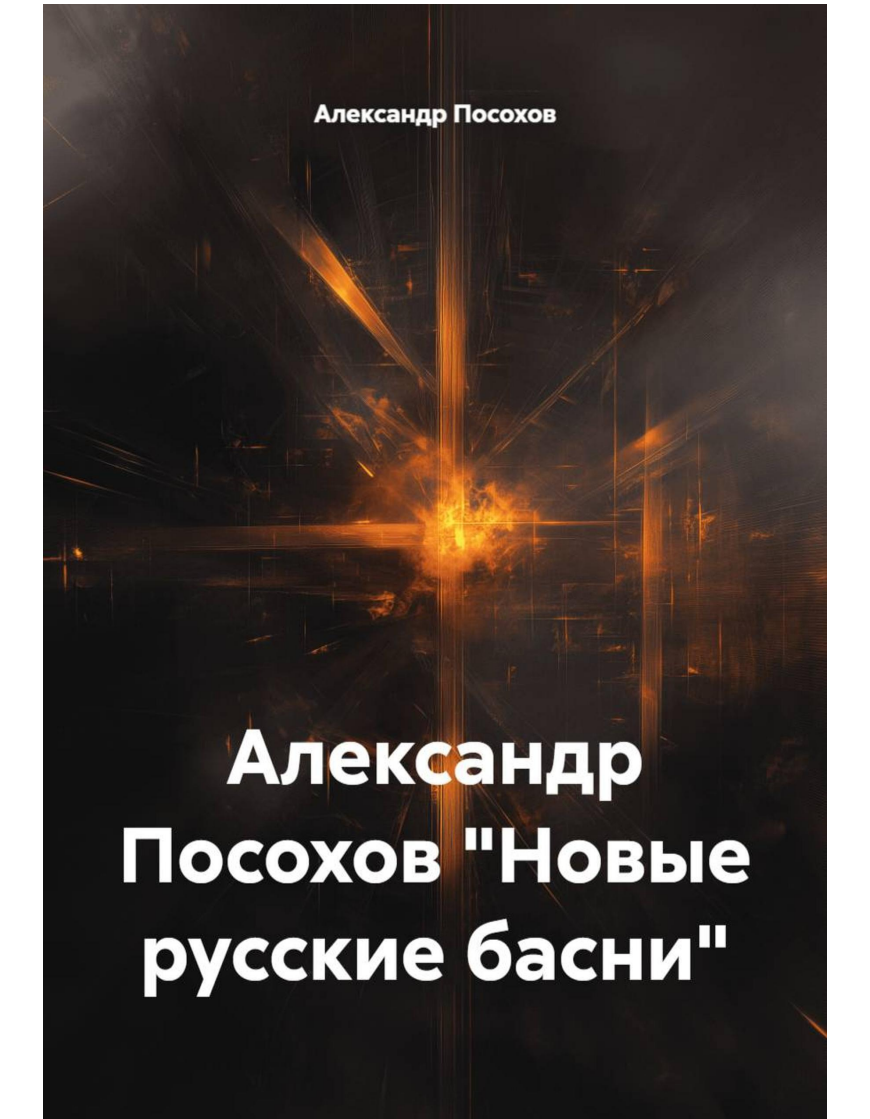

Александр Посохов

**Александр
Посохов "Новые
русские басни"**

Александр Посохов
Александр Посохов
"Новые русские басни"

<https://litres.ru/74568487>

SelfPub; 2026

Аннотация

В данный сборник включены произведения, написанные автором преимущественно в традиционной басенной форме и только стихах. По действующим лицам представленные басни абсолютно разные. И животные в них присутствуют в качестве главных персонажей, и люди, и сказочные существа, и неодушевлённые предметы и даже просто общеизвестные понятия и категории. По содержанию они тоже разные. Есть басни для взрослых, для детей, для будущих артистов, политические, патриотические, религиозные и прочие. Возможно, после ознакомления с ними у кого-то из читателей заново возникнет интерес к басням вообще. А в качестве пролога к сборнику автор использовал своё стихотворение «Лирика баснописца».

Александр Посохов

Александр Посохов

"Новые русские басни"

Александр Посохов

Новые русские басни

Москва
2026

В данный сборник включены произведения, написанные автором преимущественно в традиционной басенной форме и только стихах. По действующим лицам представленные басни абсолютно разные. И животные в них присутствуют в качестве главных персонажей, и люди, и сказочные существа, и неодушевлённые предметы и даже просто общеизвестные понятия и категории. По содержанию они тоже разные. Есть басни для взрослых, для детей, для будущих артистов, политические, патриотические, религиозные и прочие. Возможно, после ознакомления с ними у кого-то из читателей заново возникнет интерес к басням вообще. А в качестве пролога к сборнику автор использовал своё стихотворение «Лирика баснописца».

Лирика баснописца

Ну, вот не лирик я, поймите,
По сотворению стихов.
Достал вас баснями, уймите,
Уняться сам я не готов.

Гляжу на звёздные поляны,
На золотые миражи,
А в голове всё обезьяны,
Коровы, змеи и ежи.

Медведи, лошади, лягушки,
Лисицы, зайцы, барсуки,
Собаки, волки, овцы, хрюшки,
Павлины, гуси, индюки.

Вороны, дятлы, попугаи,
Пингвины, голуби, орлы,
И эти, чья судьба такая –
Быть вечно глупыми – ослы.

Слоны, так те, ломая кроны,
В любую басню сами прут.
За ними львы, надев короны,

Туда же царственно идут.

С такими верными друзьями,
С такой компанией зверей
Смеяться я могу годами
Над недостатками людей.

* * *

Глухарь-баснописец

Глухарь явился к Журавлю,
Тот был издателем, и говорит:
– Я басни Филина люблю
И знаю.
Но кто-то ж и сейчас творит.
Я тоже вот давно их сочиняю
И про лисиц, и про ворон.
– Зачем?
Ведь всё равно, как он,
Писать ты никогда не сможешь.
– И что ж?
– Ну как ты, глупый, не поймёшь.
Он эталон,
Известный всем.
Тебя с ним рядом не положишь.

Поэтому, глухой,
Лети домой.
Один великий баснописец есть
И хватит!

Кстати,
Вчера у нас в столице здесь
Кого-то памятной доской прибило.
Правда, было.

* * *

Волчья смекалка

Не тыкай лишний раз в шпаргалку,
Включай природную смекалку!

Зря он без взрослых в лес ходил,
Он в волчью яму угодил.
– Ты цел?
– Ага, язык лишь прикусил, глядите.
– И я вот также загремел.
– Так вы меня сейчас съедите?
– Зачем, какой в том толк!
Я ж не крыловский страшный волк,
И ты не басенный ягнёнок,

А кучерявый пацанёнок.
Вокруг и так полно зверей.
Ты лучше думай поскорей,
Как нам отсюда выбираться?
А то я тут уже простыл.
– Я не могу.
– А почему?
– А я смартфон свой позабыл.
– И что?
– А то!
Попробуй без него узнай,
Как надо вылезать из волчьей ямы.
– Тогда давай,
Я заберусь тебе на холку,
Ты встанешь в полный рост,
Потом я зацеплюсь за ёлку,
А ты за хвост...

Законы бытия упрямы:
Попал в беду, так не плошай,
Своим умом соображай.

* * *

Просто мама

Сидят на ветке две вороны.
Одна молчит, а у другой всё стоны:
– Совсем забыл меня сынок,
А я уж так его любила.
Хотела, чтоб летал он, как орёл,
И петь умел хотя бы, как щегол.
Во все кружки и секции его водила.
Ругала, если что, и даже била.
Всем для него была и вот итог –
Ни слуху от него, ни духу.
А как я возражала, чтобы он
Не выбирал себе жену среди ворон
И не привёл бы в дом старуху.
– А мне, так всё равно, как говорится,
На ком сыночек мой решил жениться
И что умеет он и как летает.
Зато меня не забывает, –
Прокаркала соседка.
И, правда, вмиг на ту же ветку
Подсел её сыночек к ней
С кусочком сыра.

Я в материнских чувствах не проныра,
Но всё ж мораль такая видится тут мне:
Быть просто мамой для своих детей
Достаточно вполне.

* * *

Алиса, спой за соловья!

И вновь черёмухи цветут,
А соловьи уж не поют
В Москве и в Подмосковье.

Здоровье
Чудесных птичек
Здесь абсолютно ни при чём.
Проблема в том,
Что не для кого петь.
Нет ласточек-сестричек,
Скворцов, дроздов, щеглов, синичек,
Клестов, зарянок, зябликов, чижей,
Весёлых взбалмошных стрижей
И даже хищников пернатых,
Которые враз улететь
Давно, оказывается, спелись.
Воробушки куда-то делись.
Лишь дятлы не меняют рубежей,
Пока полно дубов щербатых,
Домыкивающих свой тяжкий век.
А что же человек?

А он, печальный, в кабинете
Припомнил встречу у ручья
И молится на нейросети:
— Алиса, спой за соловья!

Мораль такая тут друзья:
Мертва без мира Божьего Земля,
Исчезнет всё, и вы, и я.

* * *

Москва и Питер

В хорошей басне всё случается,
В ней даже города встречаются.

Сiju я на вокзале в Бологом,
Что меж столицами посередине,
И вдруг в зал ожидания Москва заходит
С пирогом.
За нею следом Питер входит
С пышкой.
Садятся рядом, как простолюдины,
И начинают есть.
— Не лишку? —
Спрашивает Питер у Москвы. —

Вы ж скоро жиром заплывёте.

– А я смотрю, и вы

Не впроголодь живёте! –

Заносчиво ответила Москва.

– Но вас-то, барышня, я здесь

Вообще признал едва-едва.

Где ж ваш нарядный сарафан из шёлка,

Кокошник, бусы, кружева?

– Тогда и вы уж, сударь, объясните толком,

Прошло всего-то двести лет,

А вы без сабли на боку, без эполет,

И вместо ментика какой-то свитер?

Потом Москва уехала в Москву,

А Питер в Питер.

Мораль тут предлагаю наугад:

Нельзя отметины бывшего

Перенести на новую канву.

Тем более, что много лет назад

И города-то не было такого –

Бологого.

* * *

А я так вижу!

По самому высокому тарифу
Доверили поставить Грифу
Трагедию Уильяма Шекспира
Про короля несчастного, про Лира.
И вот премьера.
Раздвинут занавес по сторонам,
А на полу, на сцене, тут и там,
Сплошная мертвечина:
Останки бородавочников, львов,
Жирафов, страусов, слонов,
И ни начала, ни конца.
Пытаясь выявить причину,
Спросили режиссёра, где ж тут Лир,
И где ж тут подлинный Шекспир,
И где ж тут соответствие престижу?
На что ответил Гриф,
Спесиво хвост свой распустив:
– А я так вижу!

Гони того художника-творца,
Чей взгляд на наш прекрасный мир
Настолько субъективен,
Что противен.

Стрижонок

Он в гнёздышке пока сидит
И смотрит, как орёл парит
Под тучами,
Большой, зловещий и могучий.
«А я вот слабенький
И маленький,
Ни папеньку, ни маменьку
Я не люблю за это».
Прошло пол-лета.
Стрижонок вырос, оперился
И в небо взвился.
А тут орёл, как будто ждал его,
В погоню устремился.
И что? Да ничего.
Он сам чуть не разбился,
Войдя в пике.
А Стриж наш то в витке,
То в кувырке,
То в вираже по небу носится,
Что так и просится
Сказать о нём – артист.
Не то, что дельтапланерист,
Летевший мимо.

И крикнул Стриж неутомимый:
– Спасибо, папенька,
Спасибо, маменька,
За то, что я летун такой!

Родителей не выбирают,
А трусы, лодыри порой
Ещё и хают.

* * *

Осьминог-долгожитель

Устроен мозг наш как-то бестолково.
До седины живём умом юнца.
Когда ж решаем вдруг начать всё снова,
Мешает приближение конца.

А раньше он ловил тунца
И барракуду.
Сейчас же говорит себе: «Не буду
На склоне лет зря рисковать.
Одну вот ногу оторвать
Акула всё-таки сумела,
А новая на месте той расти не захотела.
Вторую ногу поразил тромбоз,

На третьей варикоз,
Четвёртую сковал артроз,
И что с оставшимися для меня вопрос —
Бурсит, подагра, коксартроз?
Скрипят, когда сгибаю.
Хоть нет ни косточки во мне, я знаю,
И кровь невязкая и голубая.
К тому ж ещё на всех ногах присос
Ослаб и не чета былому.
Короче, жить надо по-другому.
Вот есть Большой Барьерный риф.
Там, говорят, лафа любому.
С утра туда и поплыву».
А что же наяву.
Какого там тунца, креветку не словив,
И то, о чём мечтал вчера, забыв,
Весь день он провалился в иле.

Не знаю, как кому,
А мне его немного жаль.
Отсюда и мораль:
Жить снова начинай, покуда в силе.

* * *

Заяц-ревизор

Назначил Бог Косого ревизором,
Чтоб выявить того в тайге,
Кто кормится в реке
Икрой горбуши, кижуча и нерки.
– Устрой всем хищникам проверки,
А я покрою их позором
За поедание икры,
То есть фактически зародышей.
Негоже же
Так фауну губить, ей богу! –
Сказал ушастому Всевышний. –
На свете нету лишних.
И вот заходит Заяц поутру
В берлогу.
– И что ты видишь здесь? –
Спросил Медведь.
– Таз на столе и в нём икру.
– А так? –
Переспросил Медведь
И положил на стол морковку.
– Всего полтазика икры.
– А так? –
И на столе уж две морковки.
– Икры почти что не осталось.
– А так? –

И на столе уж три морковки.

– Икра, конечно, есть, но малость,

Чуть-чуть, посерединке.

– А так? –

И Мишка показал кулак.

– А так не вижу ни икринки, –

Протрямлил трепетно Косой,

Схватил морковки и долой.

Плохой

Из Бога менеджер по персоналу:

Затея с зайцем потерпела крах,

Трусишка серенький в чинах

Не страшен криминалу.

* * *

Щенок и Робот

Прогресс – движение вперёд.

Но и назад совсем нелишне.

К примеру, вот.

Соседу Роботу доверили щенка,

На месяц вроде бы, пока.

Глазёнки – вишенки,

Весь рыженький,
Порода – русский той-терьер,
С мартышкой схожий экстерьер,
Такой же и характер,
Всё время хочет быть в контакте,
Побегать, порезвиться днём,
А ночью на кровать забраться
И умилительно прижаться
К ногам хозяина комком.
А с Роботом нельзя общаться.
Насыплет корма в миску и сидит,
На пол безжизненно глядит,
Как истукан незрячий.
Хвостом виляешь – без внимания,
Играть зовёшь – без понимания,
И пахнет он каким-то маслом,
Горелой пылью и пластмассой.
И Тобик,
Так терьерчика зовут,
На третий день сбежал в приют
Собачий.
Где фарш мясной щенкам дают,
И на руки их иногда берут,
И чмокают прям в лобик.

* * *

Олигархи и прочие

Наберитесь терпения,
Идут судебные прения.
Истцы – это прочие,
Ответчики – это олигархи.
Исковые требования:
Признать олигархов хитрыми очень
И препротивными архи.
Судья – сам Бог,
На вид очень строг.
Прочие, зло обращаясь к ответчикам:
– Вы поколение хапающих,
На нас плюющих,
Поэтому процветающих,
От пуза жрущих.
Олигархи, сухо обращаясь к истцам:
– А вы поколение хающих,
И чуда ждущих,
Поэтому выживающих,
А не живущих.
Судья, хмуро обращаясь к сторонам:
– Для меня вы единый народ,
И дьявол вас разберёт,
Как вам жить наперёд,

Поэтому дело я прекращаю.

Какая в басне сей мораль,

Не знаю.

А жаль!

* * *

Про Ивана-Графомана

– Ты кто? –

Спросил издатель у Ивана.

– Я Графоман! –

Ответил с гордостью Иван. –

По правде, без обмана.

– А я-то думал, вы повымерли давно.

– Ну это вам жить вечно не дано,

Мне ж умирать всегда не время,

Поскольку я и есть

Бессмертное писательское племя.

– Отродье вы и дьявольское семя!

Писатели у нас – спецы,

А не безусые юнцы

И старики с деменцией.

– А, ежели талант, как божий дар,

Имеется,

И ум, и знания, и честь?

– Скажи ещё, душевные порывы.

– Зря ржёте, милостивый государь.

Таких, как я, полно,

И все мы живы.

А вы ни критик, ни поэт.

– Тогда закрой мой кабинет

С обратной стороны,

И рукопись свою засунь в штаны.

Издатели поэтам не страшны,

Не в графоманстве дело:

Его в подлунном мире нет.

Пишите, люди, обо всём и смело,

Ивана ж Графомана

Знают сотни лет.

* * *

Просто Пёс

На выставку собак,

Лохматый Пёс явился,

Породы никакой

И звать никак.

А лес-то рядом.

Взглянул на Пса судья
Суровым взглядом
И говорит:
– Таких участников ещё не видел я,
Без хендлера и без заявки.
Не вздумай в круг вставать,
Тут не какие-нибудь шавки.
Тут хаски,
Бигли, доберманы,
Питбули, доги и афганы,
Мастифы, гампры и пхунсаны.
Все из прославленных элит,
Бойцы,
Любого зверя могут разорвать,
Не подходи к ним без опаски.
И вот осмотр начался.
Судья оценивает экстерьер,
Резцы,
У сук соски, у кобелей мошонки.
А просто Пёс стоит в сторонке,
Отторгнутый за ленточный барьер.
И вдруг
Кабан из леса – прямо в круг.
Всех охватил такой испуг,
Что никакой элиты не осталось,
Она, как иногда,

Поджав хвосты, поразбежалась.
Кабан тогда
На бедного судью попёр и снёс
Того бы без напряжения,
Кабы не Пёс, дворняга,
Который встал у вепря на пути.

Вопрос: а что у Муромца Ильи,
Когда он с печки сполз,
Висело на плечах? Ответ: сермяга.
А вот попробуй, победи.

* * *

Аким и Иконка

Мужик один Аким
Вообразил себя святым.
А чем ещё другим то объяснить,
Что не желает он работать?
Все трудятся, ему же неохота.
«Сейчас вот для порядку
Елея подолью в лампадку,
Фитиль поправлю, помолюсь,
На образ в рамке посмотрю
И Боженьку уговорю

Авторитетно подтвердить,
Что я не абы там какой,
А новоявленный святой».
И молвила вдруг из угла Иконка:
«Ну ты, Аким, ведь не мальчонка
И должен знать, что леность – это грех,
Что, кто не трудится, тот отошёл от веры,
Что бедность от безделья вызывает смех
И сумасбродные химеры.
И больше на меня смотреть
Не смей!
Таким досужим взглядам я не рада,
Без лоботрясов обойдусь».

Не с мерцающей лампадой,
Как по Млечному Пути,
А земным путём нам надо
К вечным истинам идти.

* * *

Народ и Люди

Из Космоса корабль прилетел
И на окраину деревни сел.
Выходят из него жилыцы иных планет,

А никого в деревне нет,
Один лишь дед
Копается в земле.
И спрашивают неземные лица:
— А где ж народ честной, как говорится?
— Весь в городах, —
Услышали они в ответ. —
Болеет, травится, бузит, стреляет,
Но воротиться
К прежней жизни не желает,
Не нравится ему жить дружно по уму.
— А почему?
— Людей почти что не осталось.
А без людей народ давно увяз в грехах
И никакой уж не честной.
Так что летите вы, голубчики, домой.
И поскорей,
Пока вам на Земле тут не досталось.

Не гений я и не злодей.
Но что тут скажешь, коли так:
Народу больше, чем людей,
И, кто умнее, тот дурак.

* * *

Космическая записка

– Моя нефть! – Нет, моя!

– Мой газ! – Нет мой!

– Моё море! – Нет, моё!

– Мой материк!..

И вдруг меж спорщиков метеорит

К ногам упал с запиской:

«Берегитесь!

Далёкие враги Земли совсем уж близко,

Год световой один,

Миритесь!

И лучше думайте о том,

Как защитить свой общий дом,

И как вам сообща с врагами биться.

Доброжелатель».

Выходит, прав учёный наш мечтатель,

Циолковский Константин:

Нам Космос шанс даёт объединиться.

* * *

Приложения

– Привет! –

Сказал за мальчика Сению

Его смартфон.

– Привет! –

Ответил за девочку Женю

Её смартфон.

– Ну, как живёшь?

– Всё, как в кино.

– Гулять пойдёшь?

– Нет, дел полно.

– Тогда, пока!

– Пока!

И расстались они,

Сеня и Женя,

Живые к смартфонам давно

Приложения.

Таковы наши дни.

* * *

Венчание

Пора признаться, наконец,

Что тот же самый наш Творец

Склоняет нас, пока мы живы,

Душить прекрасные порывы.

Повёл я Музу под венец,
Всё честь по чести, чин по чину,
Но Бог и тут нашёл причину.
– Ты, – говорит, – ещё юнец,
Чтоб сочетаться с нею браком.
Пройдёт ещё лет двести с гаком,
В эпоху ту и приходи.
Но только фрак приобрети,
Ещё цилиндр, трость и блузу,
И бакенбарды отрасти,
А то какой-то ты кургузый.
– И что же, Боже, лишь тогда
Взойдёт она,
Звезда пленительного счастья?
– Да.
– А где напишут про меня?
– Так на обломках ж самовластья.
– Ну это, значит, никогда! –
Воскликнул я
И бросил Музу,

* * *

Мигрант

В Калуге мужики
Играют в городки,
У леса, на отшибе.
А рядышком на кипе
Трухи осенней
Стоит мигрант с метлой,
Любуясь палочной игрой.
И вдруг из тени,
Ну, ежели на лес смотреть,
Выходит бурый наш медведь.
Наделал дел впрысядку
И сразу на площадку.
Какая там игра,
Какие городки!
Поразбежались мужики,
Оставив биты и фигуру пушки.
До самой дальней до опушки
Гнал косолапого мигрант,
Под зад ему метлою тыча.

Такой у дворников талант
Или обычай:
Гнать хулигана со двора.

* * *

Марксизм и мошенники

— У нас капитализм, —
Сказал доцент студентам. —
И два непримиримых класса,
Буржуазия и пролетариат,
В неодинаковых процентах,
Прав марксизм.
— Не прав! —
Воскликнул именной стипендиат. —
Мошенников у нас сейчас такая масса,
Что это уже третий класс,
А по коварству первый.
И душит беззащитных, как удав.
— Наверно, —
Вздохнул, преподаватель. —
Вчера вот целый час
Какой-то дознаватель
У бабушки выманивал секретный код,
Потом специалист из банка,
Потом из соцслужб благожелатель,
Потом ещё какой-то вымогатель,
Полдома взяли в оборот.

Изнанка
Всё это рыночной свободы

И прочих дьявольских свобод.
Обман и совесть – антиподы.

* * *

Борщ

Намедни это было,
Хозяйка борщ варила:
Говядинка, картошечка,
Капусточка, морковочка,
Томаты, зелень, чесночок,
Свеколка, перчик и лучок...
Сама поела и решила
Свинью с собакой накормить.
Поставила им целый таз,
Обеим, дескать, в самый раз.
– Мой борщ! – залаяла собака.
– Нет, мой! – захрюкала свинья.
Три дня
Шла между ними драка,
Пока не сбавили свой пыл.
А борщ тем временем простыл,
Прокис давно и забродил.

Коль всё равно – всем вместе жить,

В одном дворе, как говорится,
Мириться надо и делиться.

* * *

Забор

На Родину вернуться можно, но
А примет ли?

Неслыханное дело –
В тайгу, где живности полно,
Гиены забрели.
Им, видите ли, падаль надоела.
– Ой, – завизжали громко крысы тут. –
А вдруг они и нас сожрут.
Не лучше ли в места другие убежать на время,
Пока Медведь не изведёт чужое племя.
– Мы с вами, – прошипели змеи. – А потом
Обратно вместе приползём.
Но не подумали они, подружки, вот о чём,
До этого в родимом доме сытно жавши:
Когда Медведь врагов извёл,
Он вокруг тайги забор возвёл
От всех сбежавших.

Помёт

Сей случай для того придумал я,
Чтобы понять, как вертится у нас Земля.

В Гостиный двор, как во дворец,
Проник однажды двор-терьер-малец,
На Венский бал явился молодец.
Хотел он соблазнить французскую болонку,
Лизнуть её и в вальсе покружить.
Не всё ж трусливо в подворотне жить.
Однако,
Едва вообще остался жив наш Дон Жуан.
Танцмейстер покусал его, собака,
В кровь,
Такой холёный доберман,
И прорычал ещё вдогонку:
— Беги отсюда, обормот,
Ведь ты не нашего помёта.

Теперь, возможно, объяснит мне кто-то:
Сословия в России вновь —
Это вращение Земли назад или вперёд?

* * *

Вор и мышонок

«У Климыча судьи часишки вор стянул,

Он тож кричит на вора: караул!

Хлопочет,

Рад целый мир поднять вверх дном;

А этого и вспомнить он не хочет,

Что сам имение всё нажил грабежом».

(первоначальное заключительное нравоучение

из басни Ивана Крылова «Волк и Мышонок»)

Обчистил вор поместье прокурора,

Пихал в мешок вещички без разбора,

Затарился – и от ворот.

Но кто-то за спиной попискивает вот.

Снял он мешок тяжёлый, развязал —

На шубе норковой сидит детёныш мышки,

Такой же маленький, как в детской книжке.

Сам засмеялся вор и рассмешить решил его.

Язык ему зачем-то показал,

Стал корчить рожицы, как корчит их макака.

И аккурат тут полицейская собака.

А дальше суд и приговор,

Барак, баланда, ватник, шконка.

Не надо в том винить мышонка:

Прибрал чужое — значит, вор,

И ни при чём тут прокурор.

* * *

Господин и Товарищ

На тропке у реки
Сошлись Кабан и Волк,
И у того клыки
И у того.
Но вепрь матёрый здоровее
И сильнее.
– Посторонись, болван! –
Воскликнул Волк. – Я господин!
– А я товарищ! – возразил Кабан. –
Господь один!
И выпихнул, как хлам,
Присвоившего себе имя божье
К бездорожью.

Ни тога не подходит нам,
Ни плащ без петель,
Мы все равны на этом свете,
Ещё грешны и смертны тоже.

Муравьед-заказчик

Все обижают муравьишек:
То их придавит лапой мишка,
То прокопает дырку крот,
То заяц пнёт,
То ёжик ткнёт,
То белка шишку в них швырнёт,
Нет им, букашечкам, покоя.
И вдруг такое.
– Лечу я, значит, с краю пашни, –
Жужжит мохнатый Шмель. – А там
Бобры дома возводят вам,
Похожие на башни.
При этом клевер губят, хоть реви.
Пришли на стройку муравьи
И спрашивают у бобров:
– А кто заказчик?
– Муравьед, –
Услышали они в ответ.

Морали никакой тут нет,
Поскольку я плохой рассказчик.
А, может быть, и есть, без слов.

* * *

Власть и Свобода

Шла, ослабев, по кругу Власть
И вдруг споткнулась о Свободу.
Та встать как раз и крикнуть собралась:
– Народу
Ты, Власть, как сила, не нужна,
Тебя ругает вся страна.
– Ну что ж, – сказала Власть и отступила. –
За шаткий трон я не держусь.
Теперь, Свобода, ты на время сила,
Коль шествовать нам прямо не дано
И мы по кругу врозь гонимы.
А я пока тут отлежусь.
Когда, ослабнув, обернёшься,
Тогда уж об меня споткнёшься.

И так, друзья мои, давно:
Пути сих героинь исповедимы.

* * *

Удав и мартышки

Мартышкам где-то бог послал смартфоны.
Но обезьяны не вороны
И не ведутся на пустую лесть.
Повыше, главное, залезть
И можно на экран весь день глаза таращить:
Бунгало, море, яхты, пиво, друг
С бананом.
Удав же то одну не видящую ничего вокруг
С высокой ветки стащит,
То другую...

Я вот о чём в сей басенке толкую
С учётом всех земных наук:
Хоть сколько ты сиди перед экраном,
От этого не станет жизнь твоя
Прекрасней.
Скорее может стать опасней,
Удав – огромная змея.

* * *

Волчья радость

– Теперь я должен, – заявил Медведь. –
За внешними врагами бдеть

И в край родной их не пущать.
Поэтому не надо тут пищать,
Визжать и ныть, как говорится,
Вон что за бугром творится.
– А кто от внутренних нас будет защищать? –
Спросил Барсук.
– Не знаю, – прорычал Медведь. – Мне недосуг.
На том собрание зверей в тайге
И завершилось.
А Волк подумал радостно: «Эге,
Тогда пора!»

Мораль сей басни, как в кармане шило:
Не так возьмёшься – и дыра.

* * *

Кощей-арендодатель

Устал Кощей всё делать сам:
Копить сокровища, как хлам,
Манишку, бабочку стирать,
Штаны, рубашку и перчатки,
Накидку типа плащ-палатки,
Скотину, земли отбирать,
Царевен тайно похищать,

Томить во тьме чужих невест,
Пугая сущих всех окрест,
Кольчугу ржавую чинить,
Корону драить, меч точить,
Который как бы кладенец.
Вот и решил он, наконец,
Спокойно в старости пожить,
Без лишних дум, как говорится,
О том, что в логове твориться.
Короче, сдал он свой дворец
Барсучьему семейству.
Арендодателю – уход и кров,
А арендаторам – всё по наследству.
Уж сколько минуло веков,
Но те ж потомки барсуков,
Уход за старцем продолжая,
Всё смерти ждут его, не зная,
Что он бессмертный.
Готовя договор арендный,
Кощей не заявил о том
И не покаялся потом.

Одна в сей басенке мораль,
Другой не вижу тут вообще я:
Не верьте старикам-кощеям!
А барсуков, конечно, жаль.

* * *

Душа и Закон

Заспорили Душа с Законом,
Кто ж всё-таки главнее для людей?
Душа звенела колокольным звоном,
Закон кивал на право и судей.
Не сговорились
И за решением к Всевышнему явились.
Послушал их Творец и говорит:
– Вот было б так, что всё цветёт, а не горит,
То главной была бы ты, родная.
Но на Земле одна война, потом другая.
Поэтому там главным должен быть Закон,
И не иначе.
Когда духовного единства в мире нет,
Душа почти что ничего не значит.

И я хочу сказать, хоть я не Он,
Примерно то же:
С враждой людской весь божий свет
Совсем не божий.

* * *

Богатый Барсук

Живёт Барсук царю под стать,
Нору в дворец преображая:
Из золота его кровать,
Большие вазы из Китая,
Из Франции вино, коньяк,
Камин из малахита,
Ковры – Афганистан, Ирак,
Из Англии мохито.
А в Форбс по осени попал,
Так выпил всё и в спячку впал.
Проснулся аж в начале мая,
Наружу вылез – мать честная:
За мочажиной волчья стая,
Перед норой медвежий след,
Прохода никакого нет,
Коряги, топь, лесоповал,
Лопух, крапива, мох да сучья.
– Эх, голова твоя барсучья! –
Сказала тут ему Сова. –
Живая правда такова:
Дворцом тогда бывает дом,
Когда по-царски всё кругом.

* * *

Чудо из чудес

Чуть сэкономив на провизии,
Купили звери телевизор.

Всем миром взяли, сообща.

Пища,

Крича, визжа и споря,

Во избежание слёз моря

Поставили его на пень.

Пусть, дескать, те, кому не лень,
Из чащи кто или с опушки,

От Волка серого до Мушки,
Сидит и смотрит целый день.

А, может, даже и всю ночь.

Прочь,

Ягоды, грибы, коренья!

Прочь,

Игры, пляски, шутки, пение!

Набравшись жуткого терпения,

Все звери вдруг без исключения,

Как в Библию иль как в Коран,

Уткнулись в голубой экран.

Шёл бесконечный сериал про лес:

Про ягоды, грибы, коренья,

Про игры, пляски, шутки, пение...

Ну, точно, чудо из чудес.

* * *

Про папу и лапу

Год выдался плохим,

Голодным.

И как-то вечером холодным

С дрожащим отпрыском своим

К его отцу Медведица пришла.

И разрыдалась:

– Насилу я тебя нашла.

Вот твой медвежонок, ты его отец,

Без помощи твоей ему конец.

До заморозков чуть осталось,

А нет у нас ни пищи, ни жилья.

Одна его ни в силах я

Ни прокормить, ни обогреть.

– Да я не то, что помогу,

Я сам сожрать его могу,

Если останусь без мясного, –

Взревел в ответ Медведь. –

Тебя, облезлую, я знать не знаю.

И наперёд предупреждаю:

Не вздумай заявиться снова,

Заломаю!

Читательницы, впредь,

Чтоб не сосал сыночек лапу,

Не выбирайте для него медведя-папу.

* * *

Поэт и Боты

Себя давно

Свободной птицей представляя,

В окно

Смотрел поэт,

Ворон считая.

Уж много лет

Он не имел другой работы.

Боты

Сушились тут же на окне.

И говорят они вдруг тихо, сухо:

«Не птица ты, поэт, а муха.

Летаешь с нею наравне,

От койки и окна – к буфету,

А от буфета – к туалету».

* * *

Лиса и Петух

– Нет, нам с тобой не по пути, –

Сказал Петух Лисе-пройдохе. –

Не стану я мешок нести.

Та ж снова принялась за вздохи:

– Да я живу-то шаг всего,

За тем вон крайним поворотом.

А, если ты подумал что-то,

Так я совсем не та давно

И ем теперь одно пшено.

Его полно в мешке и этом.

Кому не надо бы, но мне-то

Ты можешь, Петенька, помочь.

За то позволю на всю ночь

Зайти ко мне и подкормиться.
«Неужто впрямь Лиса постится?» –
Засомневался Петушок.
И, чтобы лично убедиться,
Полез в расставленный мешок.

А дальше было то, дружок,
Что всюду и всегда бывает,
Когда вдруг кто-то забывает
Про чьё-то рыльце и пушок.

* * *

Старушки

Раз в дороге,

В электричке,

Перепутав все таблички,

Две старушки,

Как подушки,

Сели друг напротив дружки.

– Ты куды?

– В Москву, а ты?

– Я ж в Калугу из Москвы.

– Вот так здорово!

– Уж, да!

В разны стороны нужда

Нас с тобою завела,

А вагон один дала.

– Ну, голубушка, дела.

Я таких больших чудес

Сроду не видала.

– Значит, шибко ты отстала.

Это ж, матушка, прогресс:

Вместе рядышком сидим,

В разны стороны летим.

И молчи ты, горя мало,

Довезут, куды пристало.

* * *

Акустический садист

В одном лесу и днём, и ночью

Стал Волк вдруг страшно выть, когда захочет.

Притом, как начинает выть,

Так напрочь заглушает соловья

И оглушает даже глухаря.

– Уж лучше б квакал, как лягушка, –

Сказала Цапле прилетевшая из глухомани Выпь. –

Я что-то не пойму, подружка.

Волкам положено выть только на луну,

А этот и на солнце воет.

Собратся должен весь лесной народ

И объявить ему войну.

Пусть знает, что для нас он не артист,

Не птица певчая, а сумасброд
И акустический садист.
Никто не вправе нарушать закон природный.
– А я так думаю, протестовать не стоит.
– Почему?
– Не на того обрушим мы свой общий гнев.
Закон нарушил Лев,
Присвоив Волку звание «Народный».
Хоть нет у Волка никаких заслуг,
Ни голоса, ни слуха.
Но Волк давно – придворный друг
И пьёт со Львом из одного стакана.
А Лев – наш царь, и у него охрана.
Вот и решило всё царёво брюхо:
За звание Волк Льву ягнёнка приволок,
А за какой-нибудь там орден
Пообещал ещё аж целого барана.

* * *

Гвоздь и Магнит

Крик о свободе – только крик.

Как и другие железячки,
Как даже Кнопочки-гордячки,

К Магниту сильному Гвоздочек – прыг,
Прижался плотно и сидит.
Одна забота лишь – следи,
Чтоб ржа тебя не одолела.
Но жизнь такая надоела
Гвоздочку нашему. И вот
Как закричит он, заорёт:
– Довольно нам друг к другу жаться,
Пришла пора и разбежаться,
Хочу познать свободы рай.
Так что, Магнितिще, давай,
Меня скорее отпускай!
Обиделся на то Магнит
И недовольно говорит:
– Вот это брат, вот это друг!
Забыл, голубчик, с чьих ты рук
Всё время досыта кормился.
Чьи токи пил, к чему стремился?
Гвоздочек пуще в крик пустился:
– Свободу мне, права и волю!..
Не стал Магнит с ним спорить боле.
Взял, да отторгнул бунтаря.
И зря.
Гвоздочек не освободился:
Как ни цеплялся, ни крепился,
Он тут же прыг – и прилепился

К другому сильному Магниту,
Составив снова только свиту.

* * *

Сапог и Валенок

Кричал на Валенок Сапог:

– А помнишь, как-то ты промок,
Хозяин даже заболел!

– А ты однажды в грязь засел,
Да крепко так!

– Молчи, дурак!

Ведь всё равно

Главнее я!

– Нет, я!

– Нет, я!

– Нет, я!

– Нет, я!..

Напрасно спорили друзья:

На свалке оба и давно.

Себя ты уважать, конечно, можешь,

Но от господ не жди того же:

Слуг старых никому не жаль.

Такая в басне сей мораль.

* * *

Язык и Лопата

Где трудиться не хотят
И не знают толк в работе,
Там Лопата не в почёте,
А Язык почти что свят.

В одном заштатном городишке
Почти разрушились домишки,
А грязь такая, что лишь вброд
По улицам ходил народ.
И вот
Собрался, наконец, всеобщий сход
По поводу того, что делать надо.
– Давайте же засучим рукава,
Я поработать буду только рада, –
Произнесла совковая Лопата.
Но развязавшийся Язык
Враз перебил её и в крик:
– Послушайте меня, друзья!
Необходимо!.. Следует!.. Вперёд!..
Свобода!.. Рынок!.. Инвестиции!..
Недавно побывал там я,

В провинции:
Лопату не видать, Язык орёт.
А что народ?
Всё слушает его который год.
И всё – слова, слова, слова...

* * *

Лев и Моль

Какой-то Лев не от зазнайства,
А от вопроса «быть, не быть?»,
На Север перебрался жить.
И там богатым стал, хозяйство
Огромное завёл.
Олень всегда ему к обеду шёл.
А что в шкафу – так, мать честная:
По сотне всяких свитеров,
Носков,
Штанов
Из шерсти.
Рая
Не надо при добре таком.
А что до чести,
То мороз
Решает правильно вопрос:

Кто не желает околеть,
Тот позволяет силе сметь
И одевается теплее.
Но нет на шерсть заразы злее,
Чем вкривь летающая Моль.
Её пароль –
На вещи дырка.
И всякая большая стирка
Тут совершенно ни при чём.
Случилось то и с нашим Львом.
Одежда стала, будто таять.
И ничего о том не зная,
Что Моль в шкафу имеет дом,
Лев побежал за ней с кнутом.
Догнал – и хлесть её по крыльям,
Заставил снизиться, упасть.
И пасть
Открыл уже в ухмылье.
Как вдруг заговорила Моль:
– Позволь
Сказать тебе пред смертью.
Ты зря со мной свиреп и крут,
Детишки всё мои сожрут.

Равно почти что милосердию –
Использовать так плетёный кнут.

* * *

Без разрешения

Два деда, Пётр и Илья,
По очереди вышли от врача,
И у обоих ишемия.

Один смеясь, другой ворча,
Но оба по рядочку
Влюбились в медсестру
По имени Мария.

Дед Пётр проснулся поутру,
Поцеловал Марию в щёчку,
В ответ «Ещё хочу...»

А дед Илья пошёл к врачу.

– Скажите, доктор, разве можно
При ишемии заниматься сексом?
– Нельзя! –

Поведал врач открытым текстом.

– А осторожно?

– Никак!

– А Пётр занимается.

– Так он же страхами не мается.

И я того же мнения:

Жизнь коротка,
Хоть что тут говори,
Поэтому живи, люби, твори
Без разрешения!

* * *

Ветеринар

К ветеринару,

На пару

С козочкой своей,

Пришла старушка вековая.

И говорит: «Какая,

Скажи, беда случилась с ней?

Всю жизнь доилась скотина,

Как вдруг уже семь дней

Без молока я.

Уж ты найди, касатик,

В чём причина».

Надев застиранный халатик,

Животный врач давай смотреть.

То есть давай её вертеть,

Козу больную пред собой.

Раз повернул,

За ним другой,

Потом прогнул её дугой.

Рога замерил,

Пульс проверил,

Хвост к позвоночнику задрал.

Коза от боли даже села.

И тут старушка не стерпела:

«Ну что, касатик мой, нашёл?».

В ответ уверенно и смело,

Взяв авторучку, врач сказал:

«Осмотр, бабуля, показал,

Что у тебя теперь козёл».

А я хочу сказать за дело:

Кто сам в работе бестолков,

Тот всюду ищет дураков.

* * *

Пришелец

Кот безымянный, деревенский

Пробрался как-то в город энский

И заглянул там в зоопарк.

Вороний карк,
Навоза горы,
Сараи, чердаки и норы –
Знакомые ему дела.
А тут экзотика пошла,
И изумление.
А перед Львом вообще остолбенение
С бестактным вскриком «У-у, корова!»
– Здорово! –
Сказала женщина с метлой. –
Да это ж Лев, сородич твой.
Немедленно же извинись,
И брысь!
– Простите, – обратился Кот ко Льву. –
Я вас впервые навещаю.
– Да без проблем, родной, прощаю.
– У-у, – снова изумился Кот. –
Она ещё рычать может!..

Какая тут мораль, не знаю.
Но, думаю, что место самому
Такому вот Коту – в хлеву.

* * *

Подхалим

Льстец-подхалим
С начальником своим
Попал в беду:
Еду
Себе искали злые волки.
Это у нас амбары, полки.
А у зверей –
Что Бог послал.
Быстрей
Бежал
Прочь Подхалим.
Начальник же, весьма томим
Огромных габаритов тяжким брюхом,
Был съеден так, что даже мухам
Там нечего уж было есть.
Но лесть
И здесь
Нашла приманку.
Смотря на бранные останки,
Вот что сказал наш Подхалим:
«Мы все скорбим,
Мы не простим,
Мы отомстим,
Дань отдадим...»
(То есть почтим и доедим).

* * *

Вопрос

Однажды чей-то жирный Кот

В чужой прокрался огород

И развалился там вальяжно.

Любому Псу тут очень важно

Природный выполнить приказ:

Облаять наглеца, прогнать,

На дерево его загнать.

Так всё и вышло в этот раз.

Так, да не то.

Сидит Кот на высокой ветке

И говорит Псу: – В клетке

Тебя бы надо содержать.

Ты ж непонятно кто!

А лучше бы вообще прикончить.

Ни гончий,

Ни пудель ты, ни фокстерьер,

Ни мопс, ни шпиц, ни бультерьер,

Ни лабрадор, ни волкодав.

Одно и можешь – гав, да гав.

Да собирать ещё объедки.

Не предки

У тебя, а сброд.

И выродок ты редкий

От морды до хвоста.

Ещё такого я не знаю.

Молчал бы вовсе уж, урод,

И убирался в будку.

Не взять меня тебе, ублюдку.

Нос не дорос.

– Ах, так! – взбесился Пёс.

И против жирного Кота

Созвал всю местную собачью стаю.

Вопрос:

Куда теперь тому деваться,

Кто любит сверху издеваться?

* * *

Две валюты

Сцепились как-то в схватке лютой
Известные всем в мире две валюты.
– Я припечатаю тебя одним шлепком.
– Горазда шлёпать ты лишь языком.
Бой начался... Удар, ещё удар...
Всего минута.
И вот уже одна валюта,
Как пьяная или больная,
Лежит в бредовой темноте.
– Да ты ж бессильная совсем, кошмар! –
Сказала, уходя, другая. –
– Печатают тебя не те.

* * *

Не мухи если бы

Один Сизарь

Вдруг вспомнил – встарь

Все голуби в деревне жили

И все здоровы, сыты были.

С отливом грудь,

Во взгляде радость,

В размахе крыльев сила, стать.

А нынче взять —

Не жизнь, а гадость,

Унылый путь

В трубу котельной.

А, может, лучше жить отдельно,

Вдали от города, в глуши.

Воркуй там нежно от души,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.